

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ПОДДАТЬСЯ

МОНЕ

Мина Мун

18+

Тина Мун

Поддаться тьме

«Автор»

2026

Мун Т.

Поддаться тьме / Т. Мун — «Автор», 2026

ОН — не просто монстр. Он тот, кто знает обо мне все. Его присутствие в моей жизни пугает. Кто он и почему ведет себя так, словно я его собственность? Его слова, действия — все говорит о том, чтобы я держалась от него как можно дальше. Он тень, знающая обо мне больше, чем я сама. Но от него невозможно скрыться. Он одержим. Он опасен. Я боюсь его. С ним мой рассудок медленно гаснет, растворяясь во тьме, и я уступаю монстру. Но таков ли он? Что, если он единственный, рядом с которым я смогу быть собой? Кто кому поддается быстрее?

© Мун Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Тина Мун

Поддаться тьме

Глава 1

Здесь нет света. Есть только тьма,
от которой некуда деться. Она
поглотит тебя без остатка. Испытай
всю палитру чувств: от страха до
безумного желания. Поддайся тьме.

Я снова чувствую это. Каждый раз одно и то же. Ощущения, после которых долго не могу встать с кровати и хочется продолжать лежать. Тело расслаблено настолько, словно меня погрузили в зыбучие пески. Я не могу пошевелить даже пальцем. За окном выступает рассвет, окрашивая спальню в темно-оранжевые оттенки. В последнее время мне некомфортно в собственном доме. Постоянный страх и предчувствие, будто кто-то следит за мной, не дают покоя. Но как бы я ни старалась не спать по ночам, чтобы выяснить откуда эти чувства, мозг отключается почти сразу, как только голова касается подушки. Насколько сильно устаю? Но ведь за весь день я даже не перенапрягаюсь физически. Я могла бы сравнить это состояние с похмельем, если бы знала, как оно ощущается. За девятнадцать лет я выпила всего один раз, на свое совершеннолетие. Тогда Розали без усталости уговаривала меня отметить с размахом. Я сдалась практически сразу, потому что не могла устоять перед этой девушкой. Перед своей единственной и лучшей подругой.

Сделав над собой усилие, я приподнимаюсь на локтях, осматривая блеклые оттенки своей комнаты. Темно-серые стены, черная мебель — ни одного яркого пятна. Даже постельное — и то черное. Кругом темнота. Точно такая же, как у меня внутри. Едва я опускаю ноги на прохладный ламинат, как тут же покрываюсь гусиной кожей. Тело ватное, невесомое, как и каждое утро. Коснувшись пальцами низа живота, провожу вдоль, чувствуя, как внутри все сжимается, будто я нервничаю. Я не понимаю, почему чувствую все это. Такое вообще является нормой? Хотелось бы знать и, по-хорошему, обсудить с кем-нибудь. Но мама часто пропадает на работе, а Розали чрезвычайно эмоциональна и непредсказуема. В один день мы можем быть лучшими подружками, а в следующий врагами, так как я не ответила на ее сообщение. Порой мне кажется, у нее не все дома, но, разве не поэтому мы подружились? Я тоже *ненормальная*.

Само собой, мамы нет дома. Я нахожу записку от нее на кухонном столе. Аккуратным почерком на клочке бумаги написано всего несколько слов.

«Мне снова поставили ночную смену. Вернусь, когда ты уже будешь на учебе. Хорошего дня, милая. Люблю тебя.»

Беззвучно усмехнувшись, беру записку и иду обратно в свою комнату. Забираю со стола дневник в мягкой розовой обложке и вкладываю утреннее послание между его страницами. Таким ли хорошим будет день? Изменится ли хоть что-нибудь? Наверняка все будет так же. Там будут они. Все эти мерзкие отвратительные подростки без душ. С гнилыми сердцами, черствые и озлобленные. В них нет ничего человеческого. Так почему же я продолжаю надеяться, что сегодня вдруг случится чудо и день пройдет иначе? Такого не будет.

Когда я выхожу из дома, Розали уже ждет меня, сидя за рулем своей новенькой инфинити. Перламутрово-розовый кузов режет глаза, а малиновые и золотистые блики, играющие в солнечных лучах, заставляют сощуриться. Такие машины редко встретишь в Медисоне. Розали

выделяется из толпы, совершенно не заботясь о пристальном внимании к своей персоне. Проверив, закрыла ли дверь, несколько раз дергаю ручку и иду по дорожке, выложенной светлой плиткой. Стоит мне сесть в машину, как в мою сторону поворачивается блондинка с огромными зелеными глазами. Несколько коротких прядей выкрашены в ярко-розовый цвет. Она похожа на ходячий фейерверк. Яркие волосы, тени в тон прядям, золотое платье в пайетках с откровенными разрезами вдоль бедер и высоченные каблуки. Все в точности, как и нужно для начала какого-нибудь банального романтического фильма. Эффектная блондинка и ее юродивая подружка. Розали дует свои пухлые губы, которые на днях стали еще объемнее благодаря косметологу, и хмуро поглядывает на меня.

— Ты когда-нибудь оденешься так, чтобы я обалдела от твоего вида?

— *Нет.*

Быстро показываю жест пальцами и поправляю объемное худи, накинув капюшон на голову. Подруга сразу же стягивает его обратно, тянется мне за спину и собирает мои волосы. Пропускает пряди сквозь пальцы, расчесывая и аккуратно укладывая на одно плечо.

— Какие же у тебя красивые волосы, Эвелин. Перестань прятать их.

Розали всегда трогает мои волосы. При любых обстоятельствах: когда нервничает, радуется, грустит или пытается меня утешить. Я же каждый раз чуть ли не мурлычу, когда она перебирает пряди или заплетает колоски. За последний год волосы отрасли еще сильнее и теперь достают до ягодиц. Вот только без должного ухода они выглядят тусклыми. Концы секутся и ломаются, густоты нет от слова совсем. Каждое утро я собираю в ванной столько выпавших волос, что уже могла бы шить кукол из них. И во всем виновата неустойчивая психика. Кошмары днем, и совсем другие ночью. Теперь добавились еще и странные ощущения в теле, будто кто-то медленно вытягивает из меня душу, оставляя только физическую оболочку.

До колледжа мы добираемся за считанные минуты. Я люблю Медисон. В отличие от других городов в нашем штате, этот особенный для меня. Здесь довольно тихо, мало людей, много зелени и свежего воздуха. Есть парк, где можно гулять часами. К счастью, я не страдаю из-за одиночества и часто гуляю по улочкам недалеко от учебного заведения. Это помогает мне успокоиться, привести мысли в порядок и вернуться домой с улыбкой, чтобы не расстраивать маму. Ей и без того не повезло с такой дочерью, как я. Из множества прелестных маленьких созданий, которые могли окружить ее любовью и теплотой, она выбрала малышку Эвелин, у которой за плечами лишь багаж из травм и дефектов. Самый большой из них — мой голос. Вернее, его отсутствие. Мама, учителя, Розали — все они выучили язык жестов лишь для того, чтобы я чувствовала себя комфортно и не стеснялась. Но я и не стыжусь этого. Я злюсь. Каждый чертов день. Каждую ночь. Дома или в колледже. Одна или рядом с друзьями. Я всю жизнь буду злиться на саму себя и наказывать молчанием. Ни одна живая душа больше не пострадает из-за меня. Такие выводы я сделала в шесть лет и до сих пор не отступила от своего решения.

Из-за разных специальностей нам с Розали приходится расходиться по разным корпусам. Девушка энергично шагает к своим друзьям, будущих актеров и актрис. Ее сочные бедра обтягивает платье, а из-за высоких каблуков ноги кажутся длинными. Несмотря на невысокий рост, Розали умудряется подчеркнуть все свои совершенства и скрыть недостатки. Хотя, если задуматься, у этой девушки их и вовсе нет. Что в очередной раз наводит на мысль, почему из всех других она выбрала меня в качестве подруги. Когда Розали скрывается за дверями здания, я захожу в свой корпус, направляясь к шкафчику. Еще издалека замечаю его. Вся дверца исписана белой краской. Помимо надписей, на ней красуются рога, члены, подобие чучел и непонятные иероглифы, больше похожие на пентаграммы.

«Немая сучка Санрайс хочет секса. Срочно оставьте свой номер, чтобы заполнить мои дырочки горячей спермой.»

Омерзительно. Мерзкие ублюдки, от которых тошнит. Как я и говорила, в их душах нет ничего светлого. Они избрали свою жертву и каждый день забавляются, оставляя вот такие

жалкие послания на моем шкафчике или издеваясь надо мной на занятиях. Как бы я ни старалась стать тенью, у меня все равно не получается избавиться от их внимания. Чем ближе я подхожу к своему шкафчику, тем сильнее колотится сердце. Всем нутром ощущаю взгляды на себе и пытаюсь спрятаться, накинув капюшон. Достав из рюкзака влажные салфетки, я стараюсь стереть хотя бы часть надписи, но краска уже успела высохнуть. Придется снова просить у мамы деньги, чтобы купить баллончик с краской и закрасить все. За эту неделю она дала мне уже около двухсот долларов и ни разу не упрекнула и не спросила, для чего они мне. Ее лицо светилось от улыбки, так как она наверняка думала, что я запишусь на маникюр или к парикмахеру. Знай она, куда уходят деньги на самом деле, давно бы устроила скандал в колледже, но, мне так не хочется втягивать ее во все это дерьмо. Не хочу видеть в ее глазах сочувствие, боль и злость. Сильвия — самый светлый и добрый человек в этом мире. Она не переживет, если узнает, что над ее дочерью издеваются, пусть я и не родная ей по крови.

Попытки избавиться от надписей, мозолящих глаза, не заканчиваются успехом. Я выбираю использованные салфетки в урну, и в этот момент кто-то больно дергает меня за руку, от чего я теряю равновесие и падаю. Ударяюсь коленями о кафедру и морщусь от резкой боли. Вслед за этим с меня сдергивают капюшон, больно потянув за волосы. Тянут с такой силой, что вырывают клочок. Затылок обжигает болью, а на глаза наворачиваются слезы. Стальная хватка у самых корней волос и тяжелые шаги сразу наводят на мысль об обидчике.

Джон Даллас.

Его имя не раз мелькало на страницах моего дневника. Только он так хватает меня за волосы. Из всей их компании он самый сильный и никогда не упускает возможности продемонстрировать это. Джон обходит меня, не отпуская моих волос. Встав напротив, парень сильно тянет волосы назад, чтобы моя голова поднялась выше. Мое лицо оказывается прямо напротив его паха, еще шаг, и его член будет упираться мне в щеку. Кожа моментально вспыхивает от стыда и отвращения. Пусть город маленький, это не избавляет меня от необходимости существовать рядом с подобными животными. Я искренне молюсь, чтобы все они исчезли. Уехали после получения дипломов и забыли о моем существовании. Я хочу дышать полной грудью, не боясь, что в любой момент со мной снова может случиться такое.

— Доброе утро, малышка Эвелин. Как тебе утро? Мне кажется, сегодня слишком жарко, чтобы кутаться в свое тряпье, не находишь? Эмма могла бы одолжить тебе одну из своих кофточек. Нужно только убедиться, что у вас сиськи одного размера.

На этих словах парень хватает меня за локоть и рывком поднимает на ноги. Его рука тут же проскальзывает под худи и грубо сжимает грудь. Биться против него нет никакого смысла. Он шире меня в два раза, а его мышцы способны раздавить меня, как букашку. Но я все равно пытаюсь оттолкнуть его. Смотрю в голубые глаза, пропитанные тьмой, в то время как сама медленно угасаю и теряю четкость видения.

Слабачка Санрайс.

От их жестокости никуда не деться. Перед ними невозможно держаться стойко. Я всегда была слабой. Никчемной идиоткой, не способной на защиту себя и тех, кто мне дорог. И сейчас, как и каждый раз, глаза заволакивает пеленой слез, а подбородок дрожит в преддверии истерики. Джона это лишь больше забавляет. Позади него стоят та самая Эмма и еще один их дружок — Грэг. Мой взгляд мечется между ними, пытаюсь уловить хотя бы немного сочувствия. Несчастную каплю. Но ничего нет. Они стоят, оскалившись и смеясь надо мной, пока Джон продолжает сминать мою грудь, покручивая сосок между пальцами. Он наваливается на меня всем своим весом, вжимая в шкафчики, и его стояк упирается мне в живот. Все внутренности скручивает и во рту скапливается кислотный привкус. Если меня вырвет прямо на них, я не отделаюсь так просто.

— Почему ты *молчишь*, Санрайс? — он особенно подчеркивает то, что я никак не смогу ответить ему. — Разве ты не хочешь ответить на вопрос про свои сиськи? Как мне кажется, у тебя единичка. А ты, Грэг? Проверь.

Он кивает своему другу, и тот подходит ко мне, но не успевает ничего сделать, так как из громкоговорителей начинает играть мелодия, оповещающая, что через минуту начнется лекция. Они уходят, оставив меня одну в пустом коридоре, и я больше не сдерживаю душащие слезы.

Глава 2

Лекции длятся мучительно долго. Мне стоит огромных усилий усидеть на них и не сорваться, не сбежать домой. Как бы ни старалась не думать об утренних издевательствах, их лица не выходят из головы. И пусть я не вижу их все оставшиеся пары, это не избавляет меня от тревоги, нависшей надо мной тяжелым грозовым облаком. Джон сегодня агрессивнее чем обычно, и все из-за проигрыша в бейсбольном матче на прошлой неделе. Этот парень не может позволить себе показать слабинку, но именно это и произошло. Теперь он срывается на других, потому что не способен принять собственное поражение. От цепкой хватки у меня все еще болит локоть, от чего я постоянно тру его, желая хоть немного унять боль. По окончании последней пары, я собираюсь так быстро, что даже не замечаю остальных студентов. Стараюсь не поднимать голову, упирая взгляд в пол. Ноги быстро уносят меня прочь от этого жуткого места. Быстрее, чтобы эта компания не заметила меня. Стоит только оказаться за пределами своего корпуса, как я облегченно выдыхаю. В висках пульсирует кровь, давление поднимается от нервного напряжения. Это всего лишь обычный день, все как обычно, тогда почему сегодня я реагирую намного острее. Глупые наивные мысли — словно что-то может измениться. Они застряли в голове и вселяют несбыточную надежду. От чего-то я думала, что смогу стать невидимой. Что никто не тронет меня, не будет издеваться. Я бы так сильно хотела этого.

Я не жду Розали. Знаю, что после пар они с друзьями сидят в кофейне или сразу едут покорять огромный Нью-Йорк, пытаются сделать так, чтобы их заметили. Подруга часто рассказывает, как они устраивают концерты на оживленных аллеях. Кто-то из ее друзей играет на гитаре, кто-то отыгрывает сцены из фильмов. Розали часто поет. У нее невероятный голос, который хочется слушать вечно. Глубокий, с калифорнийским акцентом, что еще больше добавляет ему шарма. Она выделяется из толпы, всегда приковывает к себе взгляды. Быть незаметной рядом с ней невозможно. Все всегда смотрят на меня, когда мы вместе. И на их лицах я четко считываю вопрос, которым и сама задаюсь. Розали часто зовет меня с собой, но, представить только: я и огромный город, который сожрет тебя сразу же, как только окажешься в нем. Нет. Я знаю точно: Нью-Йорк — не мой город. Куда лучше мне будет в тихом маленьком пригороде, в котором не будет никакой суеты, лишнего шума и толпы людей. И, конечно же, элементарный страх беспомощности никто не отменял. Вряд ли каждый второй знает язык жестов. А если потеряюсь? Нужно будет найти дорогу или еще что-нибудь, а я не смогу спросить. Меня затопчут сразу же, как только окажусь в большом мире.

В парке довольно тихо. Из местных здесь почти никто не гуляет, лишь пара человек, и тем больше шестидесяти. Тем лучше для меня. Я сажусь на лавочку в тени деревьев и достаю из рюкзака свой дневник. Провожу по мягкой поверхности пальцами, чувствуя, как гулко бьется сердце. И пусть он уже потрепан, страницы пожелтели и испачкались, я продолжаю хранить его. Заполняю оставшиеся пустые листы и цепляюсь за эту тонкую связывающую нить с моей мамой. Настоящей мамой. Это был ее личный дневник, и сейчас эта вещь — единственная, которая объединяет меня с давно умершим человеком. Единственная вещь, которая осталась у меня. Наверное, так глупо держаться за прошлое, но я не могу иначе. Я должна помнить. Напоминать себе, что все случившееся — моя вина. Я ненавижу ту маленькую девочку. Общительную, жизнерадостную, доверчивую, яркую. Буду ненавидеть ее всю жизнь. Она лишила меня семьи, жизни. Мне бы так хотелось стереть ее из своей памяти, не знать, кто она. Но как это сделать? Возможно ли забыть саму себя? Мама так любила эту малышку. Я же ненавижу.

«Декабрь 17, 1977 год.

Сегодня Эвелин впервые не могла уснуть ночью. Несколько часов она громко плакала в своей колыбельке и не могла сомкнуть глаз. Дэвид повел себя как настоящий мужчина. Я несколько не сомневалась в нем, но от чего-то казалось, что после рождения нашей малышки

он продолжит жить в обычном режиме: работа и крепкий сон ночью. Но это вовсе не так. Несколько раз он настойчиво отправлял меня обратно в постель, а сам возился возле Эвелин и успокаивал ее, напевая колыбельную. Жизнь подарила нам такое сокровище спустя пять лет попыток забеременеть. Мы не можем перестать любоваться этой крохой. Ее глаза такие же, как у Дэвида — красивого орехового цвета. Такой же аккуратный и вздернутый носик, густые ресницы и губы в форме сердечка.

Мне говорили, что красивых детей не бывает, но, они просто не видели мою Эвелин.»

«Май 4, 1978 год.

У Эвелин получилось сделать первый шаг! Пишу это, и сердце сжимается от восторга, а руки все еще немного дрожат. Мы сидели в гостиной, Эвелин играла в игрушечный телефон и вдруг неожиданно встала на ножки. Дэвид возвращается с работы в одно и то же время, и, кажется, наша дочь теперь тоже знает об этом. Как только в коридоре послышался шорох, Эвелин вытянулась в полный рост и шагнула. Конечно, у нее не вышло, и она сразу упала в мои объятия, но как же красиво сияли ее глаза! Она знала, что пришел папа, и хотела побежать встречать его.

Эвелин, мое чудо, совсем скоро ты сможешь встречать своего папу сама, без моей помощи. И я так жду этого дня!»

«Октябрь 2, 1981 год.

Сегодня Дэвид сказал мне «Элизабет, у нашей дочери явно появился ухажер. У нее не сходит с лица улыбка всю дорогу, пока мы шли домой! Не позволю. Ей же всего четыре года!» Ох, какое же у него было удрученное лицо. Словно он уже представлял, как его крошка выходит замуж.

Эвелин, прости, но тебе будет тяжело при выборе жениха. Твой отец очень избирателен в отношении будущего зятя. Я же уверена, что ты будешь отбиваться от парней всеми возможными способами. Ведь ты у нас такая красивая.»

«Февраль 10, 1984 год.

Меня не покидает странное предчувствие. Уже третью ночь подряд не могу сомкнуть глаз из-за кошмаров. Они невыносимы. Стоит уснуть, как сразу же просыпаюсь в холодном поту, сердце ноет, а на душе скребут своими когтями чудовища. Дэвид тоже на взводе. Постоянно напоминает мне запираť дверь на ночь, так как у нас в округе появились какие-то ненормальные психи. Но ведь мы живем в таком тихом месте. Когда Дэвиду предложили работу в Челмсфорде, мы согласились не раздумывая, ведь это отличное место для уединения. После жизни в Бостоне это казалось отличным решением. Но что-то изменилось. Мое сердце не на месте, оно бьет тревогу. Самое ужасное, что во снах я вижу нашу Эвелин. Она громко плачет, ее лицо все красное и опухшее от слез. Она указывает куда-то в сторону своей дрожащей маленькой ручкой, но каждый раз мой взгляд прикован к ее заплаканному лицу. Плач настолько громкий, что режет уши. Сегодня мне снова приснилось это, и я сразу же побежала в комнату к своей малышке. Но Эвелин спит безмятежным сном, окруженная своими любимыми игрушками.

Может, я просто слишком заиклилась на предостережении Дэвида?»

Я больше не могу читать, так как глаза заволокло пеленой. Каждый раз одно и то же. Ее мысли в дневнике прерываются именно на этой записи. Ее материнское сердце чувствовало. Она хотела защитить меня, не подозревая, что защищаться надо было от меня. Если бы...

— Вот это да, рыбка сама попала на удочку. — Я резко поворачиваю голову и вижу Джона с его сестрой Мари.

Если он отвратительный, мерзкий моральный урод. Мари в три раза хуже. Она не знает сочувствия, доброты. Весь ее мир сплошь состоит из мрака. Их отец был мэром Медисона до тех пор, пока им не стал папа Розали. И от чего-то эти Далласы думают, что им все дозволено. Из-за этого они еще более неадекватны. Стоит только увидеть их, как меня прошибает дрожью.

Мари и Джон моментально оказываются рядом сев по обе стороны от меня, тем самым не давая способа сбежать от них. Девушка вырывает из моих рук дневник, и сердце падает к ногам, колотясь в несколько раз сильнее обычного. Вновь появляется чувство никчемности. Я не могу даже возмутиться ее выходкой. Открыв рот, не изд ни звука. Лишь слабые вдохи. Мари кривится, заливаясь смехом.

— Какой отстой. Она даже постоять за себя не может. — девушка подносит дневник к моему лицу и демонстративно машет им из стороны в сторону. Медленно, на грязный асфальт падают записки мамы, которые я храню. — Что это? У нашей девочки есть секретики? Скажи, ты пишешь туда все, чего тайно желаешь? Или то, что с тобой делают? Может, я найду там пару слов о том, как сильно ты хочешь, чтобы тебя отымили? Признайся, Санрайс, ты мечтаешь об этом. Но кто тебя трахнет? Ты же немая.

— Я бы трахнул. Она же даже сказать ничего не сможет. — смеется Джон и кладет свою грубую ладонь мне на колено. Ведет выше, сжимая бедро пальцами. Все тело цепенеет, в груди бьет тревога.

Нет. Не надо. Только не это.

Картинки перед глазами жестоки, омерзительны, слишком страшные и яркие. Будто это все случилось совсем недавно. Почему так четко? Почему я вижу это? Почему мозг не блокирует это воспоминание? Я хватаю ртом воздух и качаю головой из стороны в сторону. Ну не могут же они быть настолько моральными уродами? Не смогут надругаться надо мной здесь, в убогом, забытом месте, где у меня нет даже шанса на спасение.

— Фу, брат, это же скучно.

Мари лениво перелистывает дневник, и я с замиранием сердца молю, чтобы она ничего не читала. Ни записи мамы, ни мои. В нем все мои мысли, моя душа! Я не хочу, чтобы кто-либо знал о моих мыслях.

— Ну что там? — Джон кивает на дневник в руках сестры, пока сам придвигается вплотную ко мне и пересаживает к себе на колени. Я не сопротивляюсь, лишь бы не нагнать на себя еще больше бед. Повинуясь каждому его действию, смахивая слезы, которые не прекращают течь.

— Ерунда, ничего интересного. — Мари кидает дневник, и тот падает прямо в огромную грязную лужу, которая еще не успела высохнуть после вчерашнего дождя. Я наблюдаю за тем, как страницы намокают, а ткань становится грязной, и мое сердце болезненно изнывает. — Ты будешь делать то, за чем мы пришли, или нет?

Девушка явно не в духе сегодня. Она почти не смотрит на меня, нервно топает ногой и хочет поскорее уйти. От ее слов все внутри скручивается в узел. Сделать что?

— Ах, да. Санрайс, а у тебя оказывается есть поклонники. Многие уж очень хотят посмотреть на твое тело. Готовы даже заплатить любые бабки, представляешь? А стоило всего лишь сказать им, что у тебя охуенные сиськи. Ничего личного, просто маленькое шоу.

Мари усмехается, закатив глаза. Мой взгляд мечется между ними, ничего не понимая, как вдруг девушка достает свой навороченный телефон и отходит чуть дальше, а Джон хватается за худу и рывком рвет ткань. Я инстинктивно прикрываю грудь руками, но мне сразу же скручивают их за спину. Я ничего не вижу из-за слез. Слышу только противный женский смех и мужское надрывное дыхание. Даллас стягивает с меня порванное худу, оставив меня в одном кружевном лифчике. Всего одно движение пальцами — и тот спадает с меня. От холода и мерзкого состояния, кожа покрывается мурашками. Соски твердеют, четко выделяясь, на что парень сразу же обращает внимание. Его член подо мной дергается, я же давлюсь от подступающей рвоты.

— Выше нос, Санрайс. Покажи всем свои прелести. Может после этого найдется тот, кто захочет присунуть тебе. — Наигранно кокетливо произносит Мари.

Все они... Я мечтаю, чтобы они сдохли и сгнили в канаве. Мне мало, чтобы они просто уехали из города.

Монстр

Она должна была быть дома в это время, как и всегда. Но ее не оказалось. Вместо этого, я нахожу ее в парке. Одинокую. Потерянную. Сломленную. За двенадцать лет ничего не поменялось. Лишь то, что из маленькой девочки она превратилась в юную привлекательную девушку. Но о ее красоте знаю лишь я. Ее душу знаю только я. Прошла неделя с тех пор, как я наконец нашел ее, и больше никому не позволю разлучить нас. Она будет со мной. Будет моей. Ее больше никто не тронет. И Джон Даллас в том числе. Я покажу ему, что не стоит трогать мое.

До скорой встречи, жизнь моя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.